

Преодоление немецких проволочных заграждений

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Цеппы, несущие большие потери от энергичных и дерзких атак нашей пехоты, стали теперь особенно широко применять проволочные заграждения. Колуючую проволоку можно встретить почти перед каждой немецкой позицией. Иногда одна-две нити ее маскируются в низкорослом кустарнике. Порой на железнодорожном пути наши бойцы наталкиваются на мотки малозаметной стальной проволоки, толщиной с волос. Непосредственно возле окопов враг возводит колючий забор в 3—5 колеев. Создается впечатление, будто немцы хаотически оплетают рубежи проволокой. На самом деле это не так. Противник применяет заграждения, устройство которых детально продумано.

Во время боя возле реки Сож один наш стрелковый батальон встретил на своем пути топкий участок местности по фронту до полутора километров и глубиной до 800 метров. Это было полувыходное торфяное болото, покрытое обильной растительностью. Дожди увлажнили почву и сделали ее труднопроходимой. За болотом начиналась большая пологая высота.

Враг здесь занимал оборону и почти у самого ската высоты расстелил на болоте малозаметные проволочные сети. Наши разведчики, достигавшие ночью середины топи, ничего не обнаруживали. Но в момент наступления у самого выхода на высоту произошла заминка. Бойцы начали запутываться в проволоке, запрятанной в траву. Лишь своевременное введение в бой артиллерии облегчило положение. Мощным и продолжительным воздействием она погасила огневые точки врага и дала возможность стрелковому батальону «развязать себе ноги», выбраться на твердую почву и надежно окопаться в благоприятных условиях.

В дальнейшем батальон встретил новый ряд проволочных заграждений. Так, например, в кустах на скате ему пришлось преодолеть обычный забор в два кола. В 150—200 метрах от немецких окопов имелось заграждение в четыре кола. Оно располагалось не на ровной местности, а на дне ложины, перерезавшей скат, и было весьма невысоко. На ряде участков эти препятствия были густо минированы и прикрывались плотным огнем. С помощью тщательно организованной разведки удалось своевременно обнаружить все заграждения. Саперы сделали в них проходы, а кое-где разрушили их полностью. Стрелковый батальон при поддержке средств усиления овладел высотой и успешно продолжал наступление.

В данном примере мы видим одну из обычных комбинаций противопехотных проволочных заграждений, которые противник возводит перед передним краем обороны. Характерно только, что все заграждения противник приспособил к местности, и обнаруживать их при беглом осмотре было весьма трудно.

В последних же боях противник применял более замысловатую комбинацию проволочных препятствий. Однако и она обнаруживалась нашими войсками. Сущность этой комбинации заключалась в следующем. Противник возводил обыкновенный колючий забор от двух до шести колеев. В нити натянутой проволоки он вплетал стальные витки, кольцами опускавшиеся на землю. Концы витков прикреплялись к взрывателям запрятанных мин. В зависимости от местности забор либо маскировался, либо оставался на виду. Это был первый ряд проволочных заграждений. На подходе к нему располагались только минные поля. Разобрать такое заграждение силами пехоты трудно, учитывая непрерывное огневое воздействие со стороны противника. Приходилось делать проходы с помощью артиллерии и подрывных отрядов, которые выделяли инженерные подразделения.

Преодолен первый ряд таких проволочных заграждений, наступающие наталкивались на малозаметные препятствия. Это были те же стальные сети, мотки проволоки, различные петли и т. п. Здесь же встречались минные поля. Этот район малозаметных препятствий был рассчитан на то, что наши бойцы, устремившись в проходы через первое проволочное заграждение, внезапно попадут в ловушку. Район малозаметных препятствий немцы также прикрывают сильным огнем.

Через две-три сотни метров от первого проволочного заграждения немцы устраивали второе, которое тщательно маскировали. Второе заграждение устанавливалось в нешироких складках местности, во ржи, овсе и ококе. Первый ряд колеев этого препятствия был ниже колен, второй чуть выше, третий еще выше. Последний ряд не превышал, однако, пояса человека. В общем препятствие было невысоко, но зато достигало в глубину трех-пяти метров. Были случаи, когда некоторые бойцы во время стремительного бега видели только последний (высокий) ряд колеев и спотыкались о проволоку, натянутую на колышках малых размеров. Подобное заграждение, перевернутое высоким рядом в сторону наступающего, может оказаться еще более коварным. Атакующий, увидев первый ряд колеев, не превышающих груди, может решиться преодолеть их прыжком. Но тогда он запутается в проволоке, посаженной на низкие колья.

Из описанного видно, что противник устраивает проволочные заграждения с таким расчетом, чтобы наступающие обнаружили их лишь в самую последнюю минуту. Одна стрелковая рота, успешно развивая наступление, уже преодолела все инженерные сооружения противника. Красноармейцы достигли вражеских окопов, но в самую последнюю секунду им пришлось преодолеть еще одно заграждение. На брустверах были разбросаны малозаметные препятствия. Враг надеялся поймать красноармейцев в силки перед самым решающим моментом боя. Но бойцы роты, обнаружив препятствие, преодолели бруствер с разбега и успешно завершили атаку.

Несмотря на различные ухищрения немцев, наши войска успешно преодолевали всевозможные виды проволочных препятствий. Основной способ — проделывание проходов средствами пехоты, сапер, а также огнем артиллерии и минометов. Противник стремится быстро восстанавливать разрушенную проволоку. Задача, что проходы он закрывает ежами, переносными рогатками, используя их как своеобразный резерв заграждений. Весьма важно в этот момент воздействовать огнем на вражеских солдат, пытающихся вести восстановительные работы.

Немцы придают большое значение охране заграждений. Чтобы обнаружить работу наших сапер и разведчиков, они сажают возле проволоки специальных «слушачей». В направлении обнаруженного ими шума ведется огонь. Ночью район заграждений периодически освещается ракетами и прожекторами.

Опыт боев показывает, что нельзя ограничиваться беглой разведкой местности, особенно заранее укрепленной противником. Нельзя также, разведав первую линию заграждений, одним лишь наблюдением изучать глубину их. Инженерная разведка, так же как и всякая другая, должна вестись на всю глубину обороны противника, тщательно и кропотливо. Только тогда наша наступающая пехота будет полностью гарантирована от всяких неприятных неожиданностей.

Подполковник
Л. ВЫСОКОСТРОВСКИЙ,
БЕЛОРУССИЯ.

Подразделение кавалера ордена Суворова 8-й степени капитана С. Сафонова форсирует реку Сож в районе южнее города Гомеля.

Дело было в Витебске

В КОНЦЕ марта сего, 1943 года в Витебске исчезли: несколько дюжин нахальных немецких физиономий, германская комендатура, много вагонов и паровозов, а также висевшая на площади карта военных действий.

Всё это нам стало известно сейчас, ибо только несколько дней назад до нас дошёл тот номер витебской фашистской газеты «Новый путь» (вот-те и на — новый путь!), в котором подробно описываются все перечисленные выше происшествия.

«Открытое письмо господам паникёрам» — так называется эта веселенькая статья в витебской газете.

Есть такие отчаянные храбрецы, которые во время пожара бегают в одних подштаниках по комнатам и, выпучив глаза, высунув язык и заикаясь со страха, вопят:

— Только без паники!.. Только без паники!.. Караул!!!

В таком пожарном состоянии почувствовали себя весной немцы в Витебске. Фронт всё ближе подходил к городу. Местные жители угрюмо молчали. Но всякий грамотный человек мог бы прочесть в их глазах слова радости и надежды — «Вязьма», «Сычёвка», «Великие Луки»...

Господа оккупанты заметались. И господа оккупанты сперепугу сочинили письмо господам паникёрам:

«Только без паники!.. Только без паники!.. Караул!!!»

На площади висела карта с обозначением линии фронта — её немедленно «брали», тайком, ночью, чтоб никто не видел.

Тайком, ночью, чтоб никто не видел, удрали комендатура.

Тайком, ночью, чтоб никто не видел, уходили на Запад паровозы и вагоны.

В вагонах немцы отправляли домой награбленное добро. Вместе с бараклом улетывали и толстомордые фашистские чиновники — тайком, ночью, чтоб никто не видел.

И тайком, ночью, чтоб никто не видел, рвались на партизанских минах немецкие «ешелоны»...

«Только без паники!.. Только без паники!.. Караул!!!»

— Караул! — кричал фриз фрицу.

— Караул! — хрюкали бургомистры и прочие немецкие холуи, почувствовавшие весной сильный озноб.

На холуёв накричали:

— Мы другое дело! Но вы не имеете права ударяться в панику. Выше голову, господа свиньи!

И вот в те дни для успокоения свиней и появилось в газете «Открытое письмо господам паникёрам».

В первых строках этого письма говорится:

«Многие болтуны говорят чепуху по своей глупости, но есть и такие, которые распускают слухи для распространения паники».

Дальше идёт подробный перечень слухов.

«Фюрер Адольф Гитлер отнюдь не болен смертельно».

Болен или, к сожалению, не болен Гитлер, — этого витебчане знать не могли. Но почему дал тягу вполне здоровый комендант со своей комендатурой?

«Отъезд комендатуры есть только обычное перемещение и ничего больше...»

И ничего больше? Почему же десятки немцев так поспешно покинули Витебск?

«Граждане города Витебска немецкой национальности уезжают из города не из страха перед красными».

Они, видите ли, внезапно затосковали по родине и уехали в фатерланд!

Ну, а паровозы и вагоны тоже затосковали по родине?

«Что же касается отъезда (!) из Витебска паровозов и вагонов, то скоро они снова вернуться».

А что с картой, почему она исчезла? Карта, понимаете ли, сильно простудилась.

«Географическая карта с занесённой на ней линией фронта убрала только потому, что зимние морозы и весенние ветры покоробили фанеру».

А, может, дело не в фанере и не в морозе и ветрах, а в том, что Красная Армия покоробила линию фронта? Об этом, конечно, газета умалчивает, пытаясь утаить шило в мешке.

Вдобавок ко всему этому мы узнали следующее: в день опубликования «Открытого письма господам паникёрам» несколько местных господ паникёров отправились рано утром на квартиру редактора газеты, чтобы спросить его по-деловому:

— А всё-таки: что же происходит и что будет с нами?

Квартирная хозяйка сказала им, что редактор ещё с вечера начал паковать чемоданы («Только без паники!»), ночью забрал все свои вещи («Только без паники!»), а заодно («Караул!!!») захватил и её вещи, с которыми и уехал на вокзал...

Видимо, те же зимние морозы и весенние ветры покоробили не одну фанеру, но и душевное состояние фашистского писака.

И покоробили не только серьёзно, но и надолго. До сих пор бравадный автор письма господам паникёрам не рискует вернуться в Витебск, как и не рискуют витебские немцы вновь повесить карту с обозначением линии фронта.

Г. РЫКЛИН